

Ю.П. Крылова

ЦЕЛОВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ? ПРИЕМ ЭРЦГЕРЦОГА И ЭРЦГЕРЦОГИНИ АВСТРИЙСКИХ В БЛУА (1501)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, Испания, позднее Средневековье, дипломатический визит, церемонии приветствия, политические иерархии, гендерные отношения

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается один любопытный эпизод, касающийся посещения Франции эрцгерцогом Австрийским Филиппом Красивым с супругой и приема четы королей в замке Блуа. Немаловажным вопросом этого дипломатического визита было церемониальное приветствие, которое могла позволить себе эрцгерцогиня Хуана, дочь королей Кастилии и Арагона. Существенное значение в этом вопросе имело различие традиций двух соседних стран. В Испании в рамках дипломатического этикета женщины не целовались с мужчинами. О визите упоминают несколько источников, написанных как французами, так и испанцами, чьи мнения разделились. Существенным источником по этому вопросу стал текст неизвестной придворной дамы из свиты инфанты Хуаны. Ее записки свидетельствуют, что за политическими и дипломатическими кулисами могли скрываться проблемы гендерных взаимоотношений.

*Приветствуйте друг друга
святым целованием.
(1 Кор. 16:20)*

Во вторник вечером, седьмого декабря 1501 года, в замок Блуа въехала торжественная процессия. Кортёж возглавляла эрцгерцогская чета: Филипп Красивый, сын Максимилиана I Габсбурга и Марии Бургундской, и его супруга — испанская принцесса Хуана. Грандиозный караван, насчитывавший не меньше 1200 лошадей, выехал из Брюсселя 4

Юлия Петровна Крылова, к.и.н., с.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, julia.p.krylova@gmail.com
DOI: 10.32608/2307-8383-2019-27-26-47

ноября. Целью путешественников была родина эрцгерцогини, далекая Испания, куда супруги ехали для того, чтобы вступить в наследство. После череды смертей в испанском королевском доме — в 1497 г. умер инфант Хуан, за ним Изабелла Арагонская (1498) и ее сын Мигель (1500) — Хуана стала наследницей корон своих родителей Католических королей Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской.

Ее супруг Филипп вступать в наследство не торопился. Когда откладываявшийся по разным причинам визит был, наконец, намечен, к отплытию были подготовлены суда в Брюгге. В этот момент в Брюссель прибыл посол от французского короля Людовика XII, приглашавшего совершить путешествие по суше, проехав через территорию Франции¹. После некоторых колебаний предложение было принято.

Посещение супружеской парой соседнего королевства представлялось современникам беспрецедентным². В запутанных переплетениях международных отношений рубежа XV–XVI это не кажется удивительным. Филипп и Хуана представляли собой олицетворение давних, по некоторым вопросам даже уходящих вглубь веков, конфликтов стран–соседей на европейской сцене. У правителей Франции, Бургундии, Священной Римской империи и Испании находилось множество поводов для выяснения отношений. Эрцгерцог Филипп Красивый был внуком герцога Бургундского Карла Смелого, соперничавшего с французским королем и жаждавшего создания собственного королевства. В то же время Людовик XII был внуком герцога Людовика Орлеанского, убитого в парижском Марэ по приказу герцога Бургундского Жана Бесстрашного. Это из ряда вон выходящее событие способство-

1 **Cauchies.** 2003: 133–134.

2 **Girault.** 2013: 191.

вало войне арманьяков и бургиньонов, память о которой была еще жива в умах потомков. Стремясь объединить владения и оградить себя от противников, правители прибегали к династическим бракам. «Дележ» невест стал еще одним поводом для разногласий между Францией и Империей. Отец Филиппа Красивого Максимилиан Габсбург, женившись на Марии Бургундской, увел выгодную партию вместе с «бургундским наследством» из-под носа Людовика XI. Однако через некоторое время сын последнего, король Карл VIII, «отбил» герцогиню Анну Бретонскую с ее землями у овдовевшего к тому времени Максимилиана. С Испанией дела обстояли не лучше. У обеих стран имелись давние династические поводы для притязаний на Неаполитанское королевство, Сицилию и Наварру. Союз основных противников Франции в лице супружеской пары Филиппа Красивого и Хуаны Безумной стал угрозой для королевства и определил основное содержание внешнеполитической истории Европы на долгое время³. Временный компромисс между Людовиком XII и императором был достигнут осенью 1501 г. Согласно заключенному в Тренто (Тридент) договору предполагался брак между сыном Филиппа Красивого Карлом Габсбургом и дочерью Людовика XII Клод Французской. Именно в таких обстоятельствах начиналось долгое путешествие эрцгерцогской четы по направлению к Испании.

Подробности путешествия через пол-Европы, включая встречу в Блуа королем и королевой, оказались зафиксированными в большом количестве разнообразных источников. Среди них записи официальных историографов, свидетельства очевидцев, дневниковые заметки, письма. События освещали авторы, принадлежавшие ко всем заинтере-

3 Малов. 1993: 393–394.

сованным сторонам: французской, бургундской, имперской, испанской. В частности, визиту во Францию, и особенно по посещению замка Блуа, посвятил одну главу хроники королевский историограф Жан д'Отон⁴. Бургундский взгляд на происходящее был довольно подробно изложен Жаном Молине в хронике, которую он продолжал вслед за своим учителем Жаном Шатленом⁵. Обстоятельно, со всеми возможными деталями, описал путешествие в Испанию юный камергер Филиппа Красивого Антуан де Лален⁶. Его текст использовали бургундские историки в своих хрониках⁷. Не менее подробный рассказ содержится в так называемой «Венской реляции», составленной, несомненно, очевидцем событий из бургундской свиты, имя которого до сих пор не установлено⁸.

Однако совершенно особенным источником об этом событии стала, на наш взгляд, еще одна анонимная «*relation*», известная в литературе как «Реляция Дюпюи–Годфруа»⁹. Название сочинению дали современные издатели, поскольку оригинал не сохранился, а текст известен лишь в рукописях и изданиях эрудитов XVII — нач. XVIII вв.¹⁰. По жанру это мало отличающийся от прочих протокол, фиксирующий подробности и нюансы эрцгерцогского путешествия, облада-

4 **Chroniques de Louis XII.** 1891: 205–211.

5 **Chroniques de Jean Molinet.** 1828: 168–182.

6 **Collection.** 1876: 121–340. Здесь же опубликованы выдержки из писем эрцгерцога Филиппа наместнику Нидерландов Энгельберту графу Нассау и др., которые также будут использованы далее в работе.

7 **Chatenet, Girault.** 2010: 14.

8 **Reise des Erzherzogs Philipp.** 1841.

9 Этому тексту недавно была посвящена большая работа: **Chatenet, Girault.** 2010. Публикация источника: **Chatenet, Girault.** 2010: 101–135. См. рецензию на книгу: **Крылова.** 2012: 370–374. Далее в статье текст именуется «Реляция».

10 BNF. MS. Dupuy. 325: 19–40; **Le cérémonial françois.** 1649: 713–735.

ющий чертами как хроники, так и дневника. Между тем, основной его интерес состоит в неизвестном авторе и его взгляде на описываемые события. Исследователями этого текста М. Шатне и П.-Ж. Жиро была выдвинута и обоснована гипотеза, согласно которой автором по ряду причин (интерес к дамской одежде, доступ в женские покои и проч.) определено могла быть только женщина. Она, скорее всего, состояла в свите эрцгерцогини Хуаны и ехала с ней из бургундских владений ее мужа. Исследователи предполагают, что это могла быть придворная дама Хуаны Элеонора де Пуатье (1444/46–1509), известная сочинением о придворном церемониале¹¹, которая по своему положению должна была бы присутствовать на описываемом мероприятии. Если же текст составила не она, то это была, возможно, дама из ее окружения, поскольку издатели «Реляции» находят стилистические заимствования из сочинения Элеоноры¹².

Данный текст интересен даже не столько конкретной личностью неизвестного автора, сколько ее взглядом на те или иные нюансы придворного этикета во время встреч и визитов, происходивших в течение длительного путешествия. Одним из таких моментов, волновавших автора, была проблема обмена приветственным поцелуем гостями и принимающей стороной. А точнее, кого именно могла позволить себе целовать эрцгерцогиня? Вопрос представлялся не таким простым, учитывая множество ипостасей Хуаны: супруга суверена Нидерландов и в то же время вассала французского короля в качестве герцога Бургундского, но вместе с тем наследница испанских корон и лицо женского пола. Осложняло ситуацию кардинальное различие традиций. В

11 **Eléonore de Poitiers.** 1998: 75–137.

12 **Chatenet, Girault.** 2010: 96.

Испании даже в рамках дипломатического этикета женщины не целовались с мужчинами. Во Франции же поцелуй вышестоящего (и тем более короля) нижестоящей или равной был принятым элементом придворной церемонии встречи гостей¹³. Вопрос чести дамы и наследницы престола казался чрезвычайно важным в данной ситуации, во всяком случае, для испанской стороны. Не менее актуальным он был, судя по всему, и для составительницы «Реляции». На всем протяжении текста она упоминает, кого поцеловала, а кого нет, герцогиня и что «по испанскому обычаю она не поцелует ни одного мужчину»¹⁴. Не исключено, что анонимная составительница текста невольно постоянно акцентирует на этом внимание по причине своего происхождения. Во-первых, она была женщиной, а во-вторых, если принять гипотезу, что речь идет об Элеоноре де Пуатье, то важно отметить, что она тоже имела пиренейские корни. Ее матерью была Изабелла де Суза, приехавшая в Бургундию в свите новой герцогини — Изабеллы Португальской, и происходившая из побочной ветви Португальского королевского дома¹⁵.

Вопрос мог иметь животрепещущее для некоторых персонажей этой истории значение отчасти из-за того, что при встрече подобного уровня (как, впрочем, и в большинстве других случаев) был принят поцелуй именно в губы.

Этот жест имел древнейшую историю и множество смыслов. Как символ единения, он находил применение во многих

13 В первой половине XVI в. в учебниках по обучению манерам говорилось, что женщин приветствуют только поцелуем в губы в отличие от мужчин. См.: **Bonnaffé**. 1893: 616.

14 **Voyage en France et réception à Blois**. 2010: 106.

15 **Paviot**. 1996: 75–76. Отец Изабеллы де Сузы происходил от бастарда короля Альфонса III.

сферах: от сакральной до эротической¹⁶. Несмотря на повсеместную распространенность (а поцелуй в щеку при встрече и других случаях — изобретение более современное), его восприятие не было обыденным и заурядным явлением. Исследователи полагают, что в Средневековье в поцелуй вкладывали больше, чем в наше время, по причине «особенной чувствительности поведения» в то время¹⁷. Он не был чем-то условным, но всегда переживался физиологически и психологически¹⁸. Средневековые мыслители не обходили стороной этот вопрос, поскольку он был теснейшим образом связан с богословскими рефлексиями и толкованием библейских текстов. Комментируя «Песнь песней», Бернар Клервосский и Гийом де Сен-Тьерри писали о «соединении духов» в поцелуе¹⁹. В XII в. Гонорий Августодунский писал: «в поцелуе плоть соединяется с плотью, дух соединяется с духом»²⁰.

Эти представления находили свое символическое применение в процедуре принесения вассальной присяги верности. Вассал становился «человеком рук и уст» сеньора, вкладывая свои руки в его и обмениваясь с ним поцелуем. Ритуал восходил к древнейшим верованиям, подтверждающим дыханием или слюной совершение обмена. От первоначального обряда осталось главное символическое значение — поце-

16 Эти «крайние» смыслы — любовный поцелуй и литургический *osculum pacis* — не будут рассматриваться в данном обзоре, поскольку выходят за рамки интересующего нас сюжета. Хотя исследователи отмечают, что, несмотря на омонимичность понятий, и любовный, и ритуальный, и этикетный поцелуи принадлежат генетически к сфере сексуального, с присущими ему мифопоэтическими коннотациями (плодородие, изобилие). См.: Байбурин, Топорков. 1990: 52.

17 Carré. 1992: 25.

18 Carré. 1992: 31.

19 Dictionnaire des symboles. 1990: P. 97–98.

20 Цит. по: Carré. 1992: 11.

луй делал равным²¹. Женщины, так же, как и простолюдины, принося, при необходимости, оммаж, чаще исключались, судя по всему, из ритуала поцелуя (хотя многое зависело от времени, места и конкретных участников процесса²²). Однако необходимо отметить, что именно вопрос поцелуя нередко дискутировался в трудах интеллектуалов Средневековья. Отмечалась опасность обмена поцелуем представителями одного пола (мужчинами), невозможность/нежелание женщин участвовать в ритуале по причине «непристойности» явления (это же относилось и к монахам). С конца XIII века ситуация, похоже, начала меняться, и уже в XVI в. процедура поцелуя при принесении оммажа практически сходит на нет²³. Что же касается женщин, то составители кутюм во Франции Нового времени все еще продолжали обсуждать вопрос уместности целования, придерживаясь зачастую диаметрально противоположных точек зрения²⁴.

С древнейших времен одной из функций поцелуя было приветствие, в том числе гостей. В Средние века он продолжал оставаться непременным атрибутом дипломатических встреч, однако также имел свои нюансы в зависимости от статуса участников процесса. Дамы королевской крови (что нас интересует в первую очередь) не исключались из этого ритуала, о чем красноречиво свидетельствуют, к примеру, миниатюры. Однако к концу Средневековья в Европе и эта функция поцелуя постепенно исчезает, находя свое выраже-

21 **Ле Гофф.** 2000: 225.

22 **Major.** 1987: 513; **Ле Гофф.** 2000: 234.

23 **Major.** 1987: 514 и далее.

24 **Major.** 1987: 521.

ние теперь лишь только в родственных, любовных и дружеских связях²⁵.

В анализируемой нами истории ситуация осложнялась еще тем, что ее участниками были король Франции с одной стороны и наследница престола соседней страны — с другой. В 1202 г. папа Иннокентий III в декретах «*Per venerabilem*» заявил, что среди светских властей нет никого выше короля Франции. Он не может быть ничьим вассалом — ни в своей стране, ни в любой другой, — включая императора²⁶. В «Трактате о коронации», выполненном для Карла V в 1372 г., Жан Голен пишет:

пребывать королем Франции достоинство высшее, нежели быть императором либо королем в каком ни на есть прочем королевстве²⁷.

Таким образом, нет светского сеньора, который мог бы быть равным французскому королю. Но немаловажным в восприятии самого себя монархом и его подданными было то, что, как писал аббат Сугерий в XII в., король — викарий Бога, несущий в себе Его живой образ²⁸. Благодаря помазанию он становился, по выражению Жана Жувеняля дез Урсе-

25 Carré. 1992: 105–106, 113. Надо отметить, что исчезновение приветственного поцелуя в губы трудно поддается датировке, поскольку источники не всегда уточняют, о каком именно виде приветствия идет речь. Если для раннего периода был характерен поцелуй в губы, то к началу Нового времени ситуация не настолько очевидна. Позиция составителей словаря «*Dictionnaire du moyen français*» (<http://atilf.fr/dmf>) считать просто *baiser* поцелуем в щеку, а *baiser au bouche* — в губы не представляется достаточно оправданной. Интересно отметить для сравнения, что, согласно заметкам иностранцев о Московии XVI–XVII вв., последних чрезвычайно удивляла русская практика приветственных поцелуев. Байбурин, Топорков. 1990: 53–56.

26 Цит. по: Carré. 1992: 203. См. подробнее: Фавье. 2001: 111–126.

27 Отрывки. 1998: 640.

28 Цит по: Carré. 1992: 268.

на, «церковным прелатом»²⁹. Во время коронационной литургии король священнодействует как церковное лицо. Эта служба демонстрирует священный аспект королевской власти, а само таинство омывает его грехи³⁰. Высказывания современников были, разумеется, эмоционально преувеличены, в том числе и в политических целях, особенно это касалось позднего Средневековья. Короли, естественно, не могли совершить таинство Евхаристии, однако, и обычными мирянами тоже себя не считали³¹.

Были ли эти аспекты существенны для авторов источников, упоминавших приветствие французского короля и эрцгерцогини? Придавали ли им вообще какое-либо значение в придворно-дипломатической среде в начале XVI в.? Или могли иметь место дополнительные факторы, о которых мы не знаем?

Каждый из авторов сохранившихся текстов по-своему описывает визит австрийцев во Францию и подробности встречи с королевской четой. Многие зависело от того, присутствовали ли они лично на церемонии, где находились в момент интересующего нас события, что им было видно и слышно с их места. Как отмечалось выше, французский хронист Жан д'Отон в «Хронике Людовика XII» не упоминает, как именно король приветствовал инфанту Хуану, ограничиваясь общими словами, что гости «были ласково встречены, любезно приняты и <что с ними> торжественно обошлись»³².

29 Цит по: Блок. 1998: 315.

30 Carré. 1992: 286–289.

31 Блок. 1998: 282–283 и далее.

32 *Chroniques de Louis XII*. 1891: 210. Первый секретарь эрцгерцога Филипп Анетон также, судя по всему, не зафиксировал встречу гостей, описав лишь деловые вопросы визита. См. частичную публикацию: *Recueil*. 1876: 342.

Бургундский хронист Жан Молине более пространно повествует о встрече высокопоставленных персон. Он сообщает о передвижениях главных персонажей рассказа, их сопровождающих, количестве поклонов. Об интересующем нас моменте он пишет следующее:

король поцеловал мадам эрцгерцогиню, но прежде спросил, доставит ли ей это удовольствие (*bon plaisir*)³³.

Составитель «Венской реляции» также немногословен по этому поводу. Описав подробно все *honneurs*, которые продемонстрировал эрцгерцог по отношению к королю, в отношении Хуаны он упоминает лишь, что король «ее поцеловал и таким образом ее принял (*recueilla*)»³⁴. Примерно о том же пишет дипломат и советник Максимилиана Габсбурга и Филиппа Красивого Пьер Аншман в письме канцлеру Бургундии Тома де Плэну:

когда она <эрцгерцогиня> сделала первый реверанс, он быстро подошел (*courut*) к ней, поцеловал и самым приличным образом обнял (*ambrassa d'une bonne et honneste façon*)³⁵.

В подробнейшем описании путешествия в Испанию четы эрцгерцогов Австрийских сопровождавшего их Антуана де Лалэна поцелуй отсутствует вовсе. Он упоминает лишь, что «король подошел к ней (*marcha au-devant d'elle*) и оказал ей очень хороший (*très-bon*) прием»³⁶. Скорее всего, Лалэн находился достаточно далеко, поскольку он сообщает, что представший перед королем незадолго до Хуаны Филипп о чем-то говорил с Людовиком, но автор сообщает, но тихий

33 *Chroniques de Jean Molinet*. 1828: 174.

34 *Reise des Erzherzogs Philipp*. 1841: 567.

35 *Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines*. 2010: 137.

36 *Voyage de Philippe le Beau en Espagne*. 1876: 136.

разговор ему не был слышен (*les paroles pacifiques...sont absconsées*).

Описание оказанного приема записал и сам главный герой событий — Филипп Красивый — в письме к графу Нассау. Он скорее должен был бы знать все обстоятельства встречи. По его версии, которую он счел необходимым сообщить наместнику Нидерландов, во время своего третьего реверанса по отношению к монарху, тот «приблизился к нам... обнял, поднял и поцеловал... и то же оказал нашей супруге»³⁷. Он сужает временной промежуток, существовавший между приемом его самого и его супруги, создавая у читателя ощущение, что они были приняты одновременно и приветствие у них было одинаковое. Однако, как мы увидим далее, из-за многочисленной толпы они не могли быть приняты вместе, и оказанная им королем честь также отличалась.

Еще одно любопытное мнение по интересующему нас сюжету оставила испанская сторона. В более поздней «Хронике Филиппа I называемого Красивым» Лоренсо де Падилья рассказывал, как, с его точки зрения, могли развиваться события:

король приблизился к принцессе и выразил ей величайшее почтение, и не поцеловал ее <даже> в щеку (*no la saludó en el carrillo*), потому что знал, что это не принято в Испании³⁸.

Выражение почтения и приветствия дамы в виде поцелуя руки — явление, которому еще только предстоит укрепиться в будущем. Пока же поцелуй даже в щеку инфанты (пусть и королем!) считался вопиющим случаем нарушения традиций. Испанский автор с трудом мог себе представить,

37 **Extrait.** 1876: 376.

38 **Chronique de Lorenzo de Padilla.** 2010: 145.

чтобы инфанта пошла на уступку и последовала принятому в другой стране «неприличному» обычаю приветствия.

Анонимная сочинительница «Реляции», похоже тоже была озабочена вопросом приветственного поцелуя. По сути, вопрос, кто кого целовал при встрече на протяжении путешествия, проходит через весь текст. Хуана и Филипп целуют встречающих и наносящих визиты дам (соответствующих по статусу), детей — отпрысков благородных кровей, реликвии в церквах. Иногда они кого-то не целуют по им известным причинам, хотя, возможно, должны были бы (или могли бы), и это тоже считает нужным отметить автор. Обычно составители хроник или дневниковых записей редко сообщают, что те или иные персонажи *не сделали*. Если же наша очевидица событий акцентирует внимание на том, что герои ее повествования не сделали, значит это вызывало у нее собственные рефлексии, или же она считала нужным отметить это специально для адресата ее записок.

Уже в первые дни пребывания гостей на французской земле, в городе Сен-Кантен, автор сообщает о существовании «проблемы» обмена поцелуем. К границе своих владений король отправил торжественный эскорт встречать высоких гостей. Во главе принимающей стороны стоял граф де Линьи — Луи де Люксембург-Сен-Поль, советник и камергер короля, сын всем известного по воспоминаниям Филиппа де Коммина коннетабля де Сен-Поля, и племянник предыдущей французской королевы Шарлотты Савойской. Обменявшись соответствующими учтивыми приветствиями с эрцгерцогом, граф отправился приветствовать его супругу:

<она> не поцеловала вышеуказанного графа де Линьи, но <он> был предупрежден до <их> въезда в королевство, что по обычаю Испании <она> не будет целовать никаких мужчин и что она поцелует лишь короля. По каковой причине вышеназванный сеньор

де Линьи не приблизился к ней, также сделали и другие из этого королевства³⁹.

Следующий раз о непривычном для французов отказе от их обычая речь заходит, когда кортеж приблизился к окрестностям Блуа. Встречающих было около 500–600 человек, согласно наблюдениям автора, и она называет только мужчин. Они выказали свои приветствия издали, «поскольку, как было сказано выше, она [эрцгерцогиня — Ю.К.] не целовала никого, по этой причине <они> и не приближались»⁴⁰. Около герцогини остаются, как мы узнаём, некоторые благородные сеньоры, но, как оказывается, это священнослужители и дети. Дама сообщает, кто сопровождает далее в пути Хуану:

и был перед ней монсеньор Алансонский, и маркиз Монферратский около него по левую сторону. По правую руку от эрцгерцогини ехал архиепископ Кордовский, испанский посол, а слева — кардинал Сен-Жорж⁴¹.

Шарлю, герцогу Алансонскому и будущему зятю короля Франциска I, было на тот момент 12 лет. Маркиз Монферратский — Гийом IX Палеолог — был постарше, ему минуло 15.

Итак, седьмого декабря вечером кортеж высокопоставленных сеньоров достиг, наконец, королевского замка Блуа. Первым Людовик XII встретил эрцгерцога Филиппа. Из-за огромного скопления людей герцогиня смогла войти в зал существенно позже своего супруга. Видимо, составительница записок была где-то рядом с ней, поскольку она сообщает подробности, о которых умалчивают прочие источники:

39 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 106.

40 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 125.

41 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 125–126.

на входе <эрцгерцогиня> была спрошена громким голосом, *поцелует ли она короля*, о чем она осведомилась у епископа Кордовского, каковой ей ответил, что да, и <она> ответила вышеуказанной персоне “да”⁴².

Оказывается, все было не совсем так, как это описывал Жан Молине, и что король не затевал с гостьей разговор прежде, чем поприветствовать ее. Людовик, увидев, что Хуана входит в зал, проявил себя чрезвычайно гостеприимным хозяином, позволив себе несколько отступить от принятого этикета. Он подошел встречать ее практически к дверям (*jusques à l’huis*), из-за чего она успела сделать лишь два реверанса (*honneurs*) из положенных трех. При встрече ее супруга Людовик продвигался медленно к гостю, ожидая пока тот совершит все три намеченных поклона. Король с непокрытой головой (и это тоже не ускользает от внимательной зрительницы) поцеловал эрцгерцогиню и под руку повел туда, где их уже ожидал Филипп. Рядом с ним находился монсеньор Ангулемский, которого Хуана поцеловала сама. Автор не оговаривает никаких условий этого второго поцелуя и никак не комментирует его. Лишь сверившись с датами, мы понимаем почему: перед нами вновь ребенок. Графу Ангулемскому, будущему королю Франциску I, было в тот момент 7 лет. Таким образом, в интерпретации анонимной дамы событие усложняется и обретает новые черты. Позволив монарху поприветствовать себя приятным во Франции образом, Хуана заслужила ответную любезность: ей была оказана встреча на более высоком уровне, чем ее мужу, на которую она по своему статусу жены эрцгерцога Австрийского не могла бы претендовать.

42 Voyage en France et réception à Blois. 2010: 127.

Еще одним немаловажным нюансом, оказавшим возможное опосредованное влияние на всю эту историю, было заключение в том же году предварительного договора, в рамках которого обсуждался вопрос брака Карла Габсбурга и принцессы Клод. Именно во время визита в Блуа произошло знакомство эрцгерцогов Австрийских с будущей невесткой. А 14 декабря в замке был торжественно отмечен мирный договор между державами, подкрепленный соглашением о будущем браке ныне двухлетней Клод и полуторагодовалого Карла. Таким образом, с обеих сторон в Блуа встретились практически родственники⁴³ — предполагаемые сваты⁴⁴. Возможно, осознание этого факта также сыграло роль в изменении дипломатического этикета и способствовало уступке испанской стороной непривычным традициям соседей.

Однако эта история могла иметь и дополнительные коннотации, не видимые свидетелям, присутствовавшим при встрече короля Франции и наследной испанской принцессы, но известные окружению Хуаны. Инфанта была чрезвычайно благочестива и не любила публичных приемов. Пребывая в замке Блуа, она чаще всего проводила время в церкви или в своей комнате. По свидетельству «Реляции Дююи-Годфруа», при встрече король сказал Хуане, что знает о ее желании быть лишь среди дам, а потому оставляет ее в женской компании во главе с королевой. Между тем, наравне с ее возможной стеснительностью во время офици-

43 Хотя Филипп Красивый и так являлся дальним родственником Людовика XII (их общим предком был король Франции Иоанн II Добрый (1319–1364)), но нас в данном случае интересует позиция испанской инфанты Хуаны.

44 Брак, как известно, не состоялся. Клод Французская была выдана замуж за своего троюродного брата, наследника престола Франсуа, графа Ангулемского, будущего короля Франциска I. Карл V женился на своей двоюродной сестре Изабелле Португальской.

альных церемоний и прочих многолюдных мероприятий, современники подозревали у нее проблемы ментального характера. Неслучайно, в истории за ней останется прозвище «Безумная». Усугубляло состояние инфанты (или же было следствием) ее страстная любовь к мужу⁴⁵. Вспышки гнева и ревности не были секретом для приближенных. Ее супруг, также неспроста прозванный «Красивым», не отказывал себе в удовольствии общаться с дамами, что вызывало новые обострения состояния Хуаны. Она вела замкнутый образ жизни в женском кругу. Остается вопрос: было ли это следствием сложившихся жизненных обстоятельств в чужой стране и окружении, следствием психической болезни, сурового благочестия или даже мизандрии? Во всяком случае, известно, что и мужчинам ее двора доставалось от неадекватного поведения принцессы⁴⁶. Зная об этом, отец Филиппа Максимилиан Габсбург даже предлагал ему совершить путешествие отдельно от супруги⁴⁷.

В хитросплетениях всех этих обстоятельств должен был произойти центральный пункт дипломатического приветствия королем Франции испанской принцессы. Непривычная к подобному ритуалу, Хуана могла переживать чрезвычайно остро необходимость обмениваться поцелуем, воспринимавшимся в принципе в средневековой культуре более эмоционально выраженно, с незнакомым мужчиной, пусть даже монархом соседней страны и отчасти почти «церковным лицом». Все происходящее могло иметь для нее и эротический оттенок. Она любила своего мужа до безумия (*fou*), страдала

45 **Cauchies.** 2003: 232.

46 Однажды ее первый камергер Шарль де Крузи побоялся идти по ее зову к ней в одиночку и позвал с собой своего родственника Филиппа де Ланнуа. В ярости Хуана побила их палкой (**Cauchies.** 2003: 232–233).

47 **Chatenet, Girault.** 2010: 43, сн. 46.

от ревности к придворным дамам, мстила им за интерес, который испытывал к ним Филипп⁴⁸, и при этом она должна была «соединиться духом», если использовать средневековую терминологию, с другим мужчиной на глазах многочисленной публики и самого супруга (хотя, возможно, он этого и не видел, поскольку находился в отдалении). При психической нестабильности этот эпизод мог быть воспринят ею не просто как дипломатический ритуал, но стать источником напряженных переживаний нравственного толка, усугубленных присутствием множества свидетелей.

Возможно, исследовательской проблемы могло бы и не быть, если бы не сохранился женский текст «Реляции». Авторы-мужчины не дополняли своими комментариями-впечатлениями сухие факты, поскольку не видели ничего выходящего за рамки традиционных действий в данной ситуации. Они наблюдали за происходящим со стороны, или даже пересказывали чужие сведения. Французских авторов, включая самого эрцгерцога Филиппа, мало интересует этот щекотливый аспект дипломатического этикета. Они либо вовсе оставляют его без внимания, либо просто констатируют свершившийся факт («король ее поцеловал»)⁴⁹. Напряженность усиливается, когда мы обращаемся к женскому тексту. Неизвестная нам придворная дама проживала события как бы изнутри, через призму собственного эмоцио-

48 Согласно свидетельству одного из очевидцев, она ударила некую даму и велела остричь ее светлые волосы, которые нравились эрцгерцогу Филиппу. (Cauchies. 2003: 232).

49 Так, например, в своем описании путешествия эрцгерцогов в Испанию Антуана де Лалэн упоминает про отличный от французов испанский обычай, когда король Наварры приветствует инфанту Хуану «без поцелуя по моде Испании» (*Voyage de Philippe le Beau en Espagne*. 1876: 147. См.: *Chatenet, Girault*. 2010: 43, сн. 43). Однако он просто констатирует факт, не проявляя к нему особенного интереса.

нального восприятия. Вероятно, находясь в ближайшем окружении инфанты Хуаны, она знала обо всех особенностях ее характера и поведения, внутренне ожидала и готовилась к встрече «на высшем уровне». В отличие от испанского хрониста она отнюдь не порицает «непристойные» французские обычаи гостеприимства. Описывая события, предшествующие встрече короля и инфанты, она как будто интригует читателя, заставляет его ждать в предчувствии грядущего события: будет ли соблюден принятый ритуал или нет? Как поведет себя Хуана? Подобный нарастающий внутренний накал, достойный романиста Нового времени, был, видимо, следствием характера самого источника и отношением к происходящему его автора. «Реляция», судя по всему, писалась не единым текстом, а в виде ежедневных заметок о случившихся за день событиях. Именно поэтому в нем сильно личное отношение автора, размышляющего о происходящем «по свежим следам». Мы как бы читаем между строк ее внутренние размышления об увиденном и о том, что еще предстоит. Мы никогда не узнаем, что думала Хуана Безумная и как переживала необходимость соответствовать в своем поведении дипломатическому этикету. Однако «отголоски» ее чувств мы можем услышать в напряженном ожидании оставшейся нам неизвестной придворной дамы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Отрывки. 1998 — Отрывки из «Трактата о коронации» Жана Голена и анализ этого текста // Блок М. Короли-чудотворцы: очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 637-652.

Chronique de Lorenzo de Padilla. 2010 — Chronique de Lorenzo de Padilla (Crónica de Felipe I, llamado el Hermoso) // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 144-149.

Chroniques de Jean Molinet. 1828 — Chroniques de Jean Molinet / Publ. par J.-A. Buchon. T. 5. P., 1828.

Chroniques de Louis XII par Jean d'Auton. 1891 — Chroniques de Louis XII par Jean d'Auton / Ed. R. de Maulde La Clavière. T. 2. P., 1891.

Eléonore de Poitiers. 1996 — Eléonore de Poitiers. Les Etats de France (Les honneurs de la cour) // Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France. Année 1996. P., 1998. P. 84-118.

Extrait. 1876 — Extrait des lettres escriptes à monsr de Nassau et monsr le chancelier par monseigneur l'Archiduc de la ville de Blois le xe jour de decembre // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 373-377.

Le cérémonial français. 1649 — Le cérémonial français...recueilly par Th. Godefroy et mis en lumière par D. Godefroy. P., 1649. T. II.

Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines. 2010 — Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines, chancelier de Philippe le Beau // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 136-140.

Recueil. 1876 — Recueil en forme d'histoire fait par le premier secrétaire du roi de Castille Philippe Haneton, contenant les titres, actes et traitez faits entre le roi Louis XII et ledit roi de Castille depuis l'an 1498 jusques en l'année 1507 // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 341-344.

Reise des Erzherzogs Philipp. 1841 — Reise des Erzherzogs Philipp nach Spanien, 1501 // Die Handschriften der k.k. Hofbibliothek

in Wien im Interesse der Geschichte, besonders der österreichischen. / Hrsg.: J. Chmel. Band II. Wien, 1841. S. 554-655.

Voyage de Philippe le Beau en Espagne. 1876 — Voyage de Philippe le Beau en Espagne en 1501 par Antoine de Lalaing, Sr de Montigny // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 123-340.

Voyage en France et réception à Blois. 2010 — Voyage en France et réception à Blois de Philippe le Beau et de Jeanne de Castille (Ms. Dupuy 325) // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 101-135.

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин, Топорков. 1990 — Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.

Блок. 1998 — Блок М. Короли-чудотворцы: очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

Крылова. 2012 — Крылова Ю.П. Двор Людовика XII глазами женщины. Рец. на: Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010 // Средние века. Вып. 73 (1-2). М., 2012. С. 370-374.

Ле Гофф. 2000 — Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 211-262.

Малов. 1993 — Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV — XVI в. в Западной Европе // История Европы. Т.3. М., 1993. С. 393-394.

Фавтье. 2001 — Фавтье Р. Капетинги и Франция. Спб., 2001.

Dictionnaire du moyen français — Baiser // Dictionnaire du moyen français. <http://www.atilf.fr/dmf/definition/baiser2> (дата обращения: 30.06.2019)

Dictionnaire des symboles. 1990 — Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles, mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. P., 1990.

Bonnaffé. 1893 — Bonnaffé E. Les livres de civilité // Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. T. 117. P., 1893. P. 610-632.

Carré. 1992 — Carré Y. Le baiser sur la bouche au moyen âge: rites, symbols, mentalités à travers les texts et les images IXe-XVe siècles. P., 1992.

Cauchies. 2003. — Cauchies J.-M. Philippe le Beau. Le dernier duc de Bourgogne. Turnhout, 2003.

Chatenet, Girault. 2010 — Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.

Girault. 2013 — Girault P.-G. Jean Molinet chroniqueur et la visite de Philippe le Beau au château de Blois en décembre 1501 // Jean Molinet et son temps / Sous la dir. de J. Devaux, E. Doudet et É. Lecuppre-Desjardin. Turnhout, 2013. P. 191-203.

Major. 1987 — Major J. R. "Bastard Feudalism" and the Kiss: Changing Social Mores in Late Medieval and Early Modern France // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 17(3). 1987. P. 509-535.

Paviot. 1996 — Paviot J. Éléonore de Poitiers: Les États de France (Les Honneurs de la cour) // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1996. P. 75-83.